

РОМЕН РОЛЛАН КРОВАВЫЙ ЯНВАРЬ В БЕРЛИНЕ

Непереизданная статья 1919 г.

Предисловие Бруно Ясенского

РОМЕН РОЛЛАН ОБ УБИЙСТВЕ РОЗЫ ЛЮКСЕМБУРГ И КАРЛА ЛИБКНЕХТА

Настоящая статья Ромена Роллана, напечатанная в «Humanité», в номерах от 16, 17 и 18 февраля 1919 г. и в те годы не переведенная на русский язык, — новый четкий штрих в облике великого писателя-революционера, вырисовавшемся впервые перед советскими читательскими массами в его «Прощании с прошлым», в его письмах и декларациях, в его последнем обращении к Амстердамскому антивоенному конгрессу. При всех срывах, свойственных Ромену Роллану 1919 г., автору письма к президенту Вильсону, уже в этом письме предвещающего «крушение великого буржуазного идеализма», статья «Кровавый январь в Берлине» прозвучала и продолжает звучать сегодня звонкой пощечиной германским вождям II Интернационала, убийцам Карла и Розы.

Статья эта закрыла перед Роменом Ролланом-публицистом на долгие годы двери германских буржуазных и «социалистических» издательств и редакций. В своем «Прощании с прошлым», написанном двенадцать лет спустя, в 1931 г., в качестве предисловия к первому немецкому изданию «Над схваткой» и «Предтечей», Роллан упоминает, что немецкие издатели обратились к нему с просьбой снять посвящение «Предтечей» пяти убитым: Жоресу, Либкнехту, Розе Люксембург, Курту Эйсеру и Карлу Ландауэру, ссылаясь на то, что от этих имен немецкое общественное мнение, «как бык от красного», приходит в ярость. «Я отказался, сказав, что если там не выносят красного, пусть взглянут на собственные руки. Пощечина убийцам».

Трудящиеся массы СССР знают и любят Ромена Роллана, указывающего сегодня, как и в 1919 г., трудящимся всего мира на кровавые руки зачинщиков новой бойни и «во имя СССР, которому угрожает опасность... во имя великой человеческой надежды, которую вызывает и поддерживает... героическое строительство пролетарской России», еще раз бросившего клич «Держите убийц!», но не все знают, что уже германская пролетарская революция 1919 г. нашла в Ромене Роллане горячего защитника, а убийцы Либкнехта и Люксембург — беспощадного обличителя. Это пламенное «я обвиняю», брошенное в лицо вождям германской социал-демократии, звучит сегодня не менее актуально, чем в момент его опубликования.

Бруно Ясенский

КРОВАВЫЙ ЯНВАРЬ В БЕРЛИНЕ

Несмотря на потрясающее впечатление, произведенное убийством Либкнехта и Розы Люксембург, а быть может еще более гнусными подробностями этого позорного преступления, этой звериной яростью, с которой тело потерявшей сознание женщины утащено было шайкой бандитов неизвестно куда и для каких мерзких целей, — все же французская пресса в общем не отдала себе повидимому достаточно ясного отчета в трагиче-

ском значении этих январских дней не только для германской революции, но и для всеобщего мира.

Правительства Антанты и их буржуазная пресса проявляют поразительную близорукость, настолько поразительную, что возникает вопрос, не является ли она умышленной? В обуревающем их страхе перед ростом и грядущим наступлением социализма в Европе они с радостью приветствовали разгром спартаковцев, не учитывая той политической опасности для Антанты, которую влечет за собой их исчезновение. Всецело поглощенные интересами капиталистической собственности, эти националисты не уделяют того внимания интересам своего народа, которое они должны были бы проявлять.

Что касается меня, то после того как я в течение двух месяцев внимательно следил за ходом событий, я пришел к убеждению, что в Германии реакция — консервативная, военная и монархическая — движется вперед гигантскими шагами и вместе с ней лихорадочно растут чувство национального озлобления и мечты о реванше. И я кричу вам: «Берегитесь!» Вы все, правительства Антанты, все повинны в этом своей неумелой и противоречивой политике, одновременно суровой и слабой, грубо провоцирующей, с одной стороны, национальную гордость, а с другой, неслыханно потакающей некоторым немецким правителям. Как могли вы, вы, так громко требовавшие наказания виновных кайзера и кронпринца, как могли вы, как можете вы еще иметь дело с таким человеком, как Эрдбергер, писавшим: «Если бы можно было уничтожить весь Лондон целиком, это было бы более человечно, чем допустить истекать кровью на поле битвы хотя бы одного немца... За каждый потопленный корабль следовало бы смести с лица земли по крайней мере хоть один английский город... Сантиментальность в войне — преступная глупость!»

...Как можете вы поддерживать своими голосами триумф Шейдеманов, приверженцев политики императора, Эбертов и Носке, обращающихся с призывом к монархистам-офицерам и невидимо вдохновляемых генеральным штабом Людендорфа на уничтожение спартаковцев, в то время как они стремятся только к признанию уроков войны, справедливому миру и примирению народов?

Буржуазные правительства Европы, интересы вашего класса вам дороже интересов вашей родины (я не говорю об интересах человечества — эти вам совершенно чужды).

Я излагаю факты, пользуясь главным образом прекрасной газетой Вильгельма Герцога «Die Republik» («Республика»), сумевшей сохранить в этом кровавом хаосе возвышенную ясность мысли. Ее точка зрения является также и моей; это точка зрения независимого мыслителя, которому прежде всего дорога истина.

Драме 6—17 января предшествовали кровавые события 6 и 23—24 декабря, окончательно оттолкнувшие социалистов большинства от революции и одновременно назависимых социал-демократов от социалистов большинства и спартаковцев, которым они в равной мере ставили в упрек их насилия. Но выйдя 28 декабря в знак протеста из состава Центрального совета (Zentralrat der socialistischen Republik), Газзе, Дитман, Барт оставили свободное поле действий для раекционеров социализма, сейчас же призвавших себе на помощь правителя г. Киля — Носке, человека мертвой хватки. Этот Носке, которого Либкнехт звал Кавеньяком, Галифе Берлина, должен был сыграть главную роль в январские дни.

2 января военным министром Пруссии был назначен полковник Рейнгардт, ни в коей мере не разделявший революционных идей. Независимые,

входившие еще в прусское правительство, — Штребель, граф Арко, Адольф Гофман, Курт Розенфельд, Брейтшейд, Пауль Гофман, Гофер, Симон¹, — все заявили о своем уходе. Они исчерпали, согласно своему заявлению от 3 января, все возможности к соглашению; от них требуют безоговорочного подписания назначения полковника Рейнгардта, при чем им отказывают даже в сообщении письменной декларации его программы: Центральный

РОМЕН РОЛЛАН
Рисунок Франса Мазереля

совет на самые существенные вопросы отвечает абсолютным молчанием, Их сотрудничество стало невозможным.

Между тем в различных местах происходят кровавые стычки между контрреволюционно настроенной армией и народом: 30 декабря в Алленштейне между возвращающимися с фронта артиллеристами и народными представителями, вышедшими им навстречу с красными знаменами; 3 января в Кенигсхютте, где войска стреляли по рабочим. Защита восточной границы — это только маска, под которой притаилась контрреволюция; эти

районы кишат агитаторами реакции. 4 января в самом Берлине происходит открытое контрреволюционное собрание, на котором присутствуют граф Вестарп, капитан Нергер и множество офицеров; собрание отправляет верноподданническую телеграмму императору.

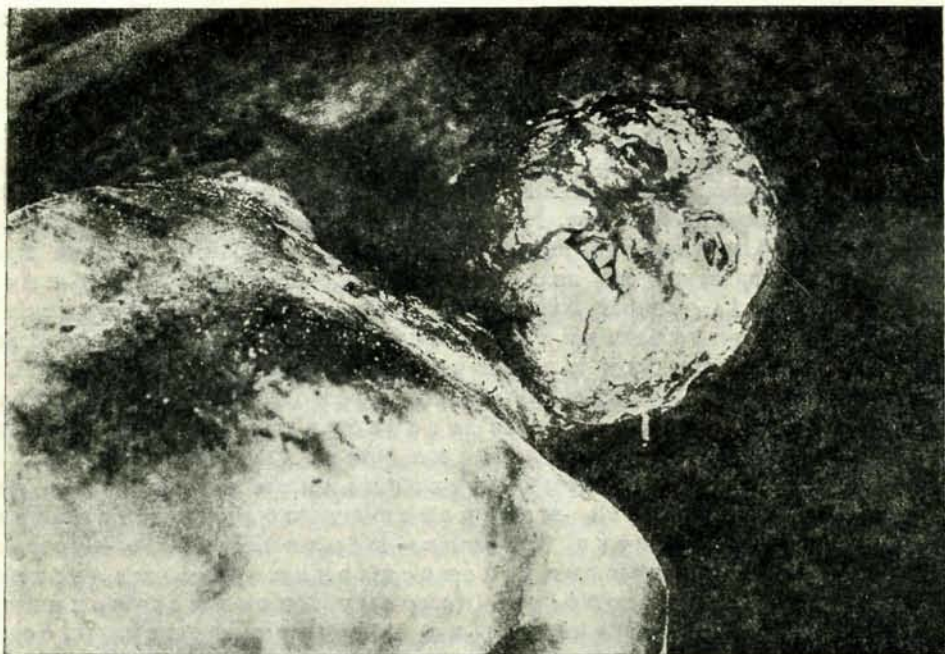
Наконец 5 января министерство внутренних дел решает заменить полицей-президента Эйхгорна, известного своими революционными взглядами, бывшим министром прусской полиции Эрнстом. Это — последний удар. Совершенно очевидно, что правительство хочет отделаться от своих противников и обеспечить себе безраздельную власть, опираясь на консервативные партии. На этот вызов независимые, спартаковцы и рабочие организации крупных берлинских фабрик отвечают призывом к массовой демонстрации. Вожди спартаковцев, Карл Либкнехт и Роза Люксембург, превращают эту демонстрацию в наступление. Вечером 5 января редакция «Vorwärts» и агентства Вольф, а также центральный телеграф и государственный банк заняты их сторонниками. Как могли они так внезапно прибегнуть к силе, после того как сами в своем декабрьском манифесте обязались прибегать к ней лишь в том случае, если на то будет ясно выраженной воля пролетарских масс? Несомненно их толкнула на это страстная импульсивность Либкнехта и Розы, сжигавшее их негодование, а также возмущение революционеров против лжи буржуазной прессы (особенно предательского «Vorwärts», той чудовищной лжи — наследия четырех с половиной лет войны, — которая никогда не была так разнуздана, как со времени революции. Как бы то ни было, роковой поступок совершен — гражданская война вспыхнула.

Страсти мгновенно разгораются. 6 января в Siegesallee (Аллее побед) Либкнехт говорит народу: «Настал момент действовать. Социалистическая революция должна стать не мечтой, а реальностью. Отныне начинается социалистическая революция, которая озарит своим светом весь мир. Да будет правительство Эберта-Шейдемана позором для народов!» А в это время Шейдеман кричит своим сторонникам из окна канцлерского дома: «Царящему в Берлине свинству (Schweinerei) должен быть положен предел. Правительство примет крайние меры. Яснее я не могу сказать. Я заверяю вас, что правительство со всей суровостью выступит против [социалистов] меньшинства. Они должны быть подавлены. Правительство призовет себе на помощь армию... Мы вооружим массы. И уж конечно не дубинками!»

Уже в этот день, 6 января, была попытка линчевать проезжавшего по Вильгельмштрассе Либкнехта.

Носке получает назначение главнокомандующего правительственных войск. Он стягивает отовсюду силы, призывает артиллерию с фронта. Из Киля он призывает свою преторианскую гвардию, свою «железную дивизию»: 1 400 преданных ему людей. Он организует белую гвардию из буржуазных студентов: ректор и совет университета Фридриха-Вильгельма постановляют прервать занятия на неделю, чтобы дать студентам возможность предоставить себя в распоряжение правительства.

Невероятное возбуждение царит в Берлине. Ночью и днем, между 7 и 10 января, раздаются выстрелы и возникают тревожные слухи, распространяемые прессой. Правительственные войска сосредоточены в центре; восточный квартал является штаб-квартирой революционеров, которые продолжают свое успешное наступление, захватывают издательства Шерль, Моссе, Ульштейн вместе с издаваемыми там газетами. Множество мелких стычек. Атмосфера до того напряжена, что сторожевой пост на Виль-

ТРУП РОЗЫ ЛЮКСЕМБУРГ, ИЗВЛЕЧЕННЫЙ ИЗ ГОРОДСКОГО КАНАЛА БЕРЛИНА
 ЧЕРЕЗ ПОЛГОДА ПОСЛЕ УБИЙСТВА
 Музей Революции СССР, Москва

гельмштрассе бросает ручные гранаты в группу безобидных прогуливающихся граждан.

Напрасно сначала Ледобур, затем Каутский, Оскар Кон, Дитман, Брейтшейд прилагают все усилия, чтобы примирить враждующие стороны. Напрасно 9 января с аэроплана сбрасываются на город тысячи прокламаций, подписанных Советом моряков: «Довольно крови! Мы хотим наконец мира! Не грубая сила, а разум приводит к цели». Напрасно в тот же день Центральный совет моряков обращается ко всем социалистам и к правительству с трогательным воззванием, заклиная как Эйхгорна, так и Шейдемана, Эберта, Носке и других вождей отказаться от своего самолюбия и своих раздоров: «Товарищи Шейдеман, Эберт, Носке, Ландсберг, Эйхгорн, любители вы еще народ? Любили ли вы его когда-нибудь? Уступите другим! Не позволяйте самолюбию и грубому эгоизму руководить вашими действиями. Кровь народа дороже, чем ваши депутатские места. Пусть единство народа будет для вас высшим законом!»

Напрасно 10 января 40 тысяч берлинских рабочих, чтобы прекратить потоки крови, решают объединить трудящихся всех социалистических партий — с вождями, если они этого хотят, если же нет, то помимо их. Напрасно устраивают они шествия, манифестации, призывая к единению; напрасно создают они комиссию, куда входят социалисты большинства, независимые, революционеры и спартаковцы и которая стремится найти почву для соглашения. Спартаковцы еще пошли бы на примирение при условии некоторых гарантий, но правительство лавирует, виляет, тянет, чтобы успеть стянуть свои войска. В сущности, им руководит чудовищная гордость, стремление сломать всякое сопротивление; и так сильно опьянение властью у этих социалистов большинства, что одно только предложение обсудить

их распоряжения кажется им уже «оскорблением величества». Тех, кто распространяет изданный Центральным советом моряков столь великодушный призыв к примирению, задерживают, арестовывают; их ругают «большевиками, бандитами, убийцами, агентами Антанты», им грозят, их бьют. Раздаются крики: «Расстреляйте их!.. Нет, бросьте их в воду!..»

10 января правительство собрало все свои силы. Переговоры прерваны. И революционеры, вынужденные к решительному бою, призывают к наступлению и всеобщей стачке. Напрасно правительства Баварии, Дрездена, Ольденбурга, Брауншвейга шлют настойчивые телеграммы, умоляя правительство отказаться от политики насилия. «Нужно положить этому конец, — пишет Курт Эйсер, — если только не хотеть полного уничтожения Германии. Единственное спасение повидимому заключается в таком правительстве, которое было бы облечено доверием народа, включало бы в себя все социалистические партии и твердо решило бы на революционных началах вести демократию и социализм вплоть до победного конца. На юге повсюду поднимается волна народного гнева против Берлина!» «Но, — говорит Герцог, — правительство непреклонно. Безжалостно. Бесчеловечно. Подобно своему предшественнику кайзеру, оно опирается на военную силу. Носке хочет стать Гинденбургом революции. Людендорф, по слухам, в 20 минутах от Берлина. Шейдеманы и Эберты стремятся объединиться с Диоскурами мировой войны».

В момент появления этих строк² свершилось уже самое худшее. Новые версальцы вступили в Берлин. 11 января — это ужасный день, день триумфа буржуазной прессы, военные отчеты которой кажутся ликующими бюллетенями национальных побед. Штурмовые колонны, вооруженные минометами, тяжелыми митральезами и ручными гранатами, входят с Бель-альянштрассе и Блюхерштрассе. Начинается бомбардировка «Vorwärts», пятьдесят пять выстрелов в час. Затем, как с удовольствием отмечают газеты, «пускаются в ход ручные гранаты; каждый солдат вооружен пятнадцатью гранатами». Под развалинами «Vorwärts» погребено около сотни убитых и раненых. Один тяжело раненый, весь изуродованный, выброшен на крышу дома. Сдающиеся спартаковцы рыдают от волнения. И, как полагается, добропорядочная толпа, вечная чернь Шекспира, бросается с побоями на несчастных пленных. Весь квартал охвачен радостью. Особенно свирепствуют женщины и девушки: им кажется, что негодяи мало еще наказаны. В одном пансионе благородных девиц царит страшное возбуждение. «Freudenfest» («праздник радости»). Пресса торжествует победу. «Они ликуют, — говорит Герцог, — как после победы при Танненберге и потопления Лузитании...» «Одно только отравляет радость толпы, — пишет «Deutsche Tageszeitung», — это мысль, что Либкнехт и Роза ускользнули из рук. Повсюду слышно: «Надо надеяться, что эти кровопийцы уже болтаются на фонаре!..» Главный совет (Volkszugsrat) независимых рабочих посылает проведать пленных и затем опубликовывает потрясающий рассказ о том, в каком состоянии он нашел триста человек, испытавших на себе всю животную ярость буржуазной толпы и загнанных в темные казарменные конюшни; семеро из пленных были расстреляны у входа в казармы разъяренными солдатами. Охраняет их Потсдамский полк, в котором служит в чине лейтенанта принц Гогенцоллерн. «Гогенцоллерн сражается за Эберта!..»

На одном собрании 13 января пастор Трауб говорит: «Это не правительство избавило нас от спартаковцев, а потсдамские стрелки (Potsdam-jäger)⁵... Многие из нас в эти дни желают возвращения старого режима (шумные одобрения). Мы непременно послать приветствие нашему германскому императору Вильгельму. Мы приветствуем также Людендорфа (бурные овации, крики: «И Тирпица!»)... Тайный советник Гетше говорит: «Никто не может вытравить из наших сердец любви к монархии. Дело Бисмарка не погибло навеки; из развалин возродится новая и сильная германская империя... Мы не забудем про Эльзас-Лотарингию... Мы крикнем всему миру: «Я не отказываюсь от надежды вновь призвать наш императорский дом». (Неописуемый восторг, возгласы и крики в течение нескольких минут. Собрание салютует чернo-красно-золотому знамени; раздается пение «Heil dir im Siegerkranz» и «Deutschland über alles»).

В своей речи от 14 января в Мюнхене Курт Эйсер клеймит позором диктатуру Носке: «Правительство Носке так же опасно, как и правительство большевиков. Волю народа должны выражать лишь народные советы. Общая работа на благо социализма — вот дело нашей чести». 15 января советы независимых трудящихся Берлина на общем собрании выносят энергичный протест против правительства, опирающегося, с одной стороны, на худшие элементы всякого сброда, а с другой — на все реакционные силы. «Наши генералы проникаются настроениями, с которыми мы должны бороться еще больше, чем со Спартакoм!» восклицает Молькенбург среди продолжительных оваций.

Нет никакого удержу разгулу военной реакции, преследующей своих врагов. В ночь с 14 на 15 января офицеры арестуют (и во многих случаях своей собственной властью, а не по приказу правительства) Ледебура, Мейера, Каутского, Франца Пфемферта, редактора журнала «Aktion» тяжело раненого писателя Карла Эйнштейна, пацифиста капитана фон Беерфельде... Помещение союза «Neues Vaterland» («Новая родина») подверглось обыску и закрыто как очаг спартаковского движения (Spartakische Zentrale). Пробы час нанести смертельный удар. 15 января вечером Карл Либкнехт и Роза Люксембург убиты.

Номер газеты «Die Republik», в котором сообщается об этом (только от 17 января), носит трагический характер. Первая страница заполнена знаменитым письмом Гельдерлина («Hyperion an Bellarmin», 1798), в котором несчастный гениальный поэт жалуется на свое горькое одиночество среди варваров своей родины. На следующей странице читаем: «Отвращение и стыд замыкают нам уста перед лицом этого преступления, совершенного некультурными и обманутыми массами. Человечества больше нет, люди превратились в зверей, обезумели; слова слишком бледны, чтобы передать эту чудовищную бессмыслицу».

За этим следует краткий рассказ члена Центрального совета рабочих и солдат Gross-Berlin: 15 января в 11 ч. 20 м. вечера тело Либкнехта доставлено каким-то лейтенантом в морг как «труп неизвестного», 16 января в продолжение одного часа оно было выставлено для опознания.

Всем известен официальный отчет агентства Вольф. Либкнехт, арестованный 15 января в 9 ч. 30 м. вечера городской охраной Вильмерсдорфа, был препровожден в главный штаб кавалерии, помещавшийся в гостинице

«Эдем», откуда было приказано доставить его в тюрьму Моабит; при выходе из гостиницы он был якобы тяжело ранен в голову собравшейся толпой; увозивший его автомобиль якобы потерпел аварию посреди Тиргартена; направляясь пешком под охраной к Шарлотенбург-шоссе, чтобы пересест на другой автомобиль, Либкнехт якобы сделал попытку к бегству и был убит несколькими выстрелами в спину. Но следует отметить, что показание первых свидетелей, имевших возможность исследовать тело в морге, говорит о трех ранах; одна очень тяжелая, смертельная, в левый висок, другая около правой ключицы, а третья в верхней части руки; все эти раны нанесены из револьвера военного образца на близком расстоянии и спереди. Со своей стороны брат Либкнехта Теодор заявил энергичный протест от имени семьи против официального дознания, произведенного причастным к делу военным командованием⁶.

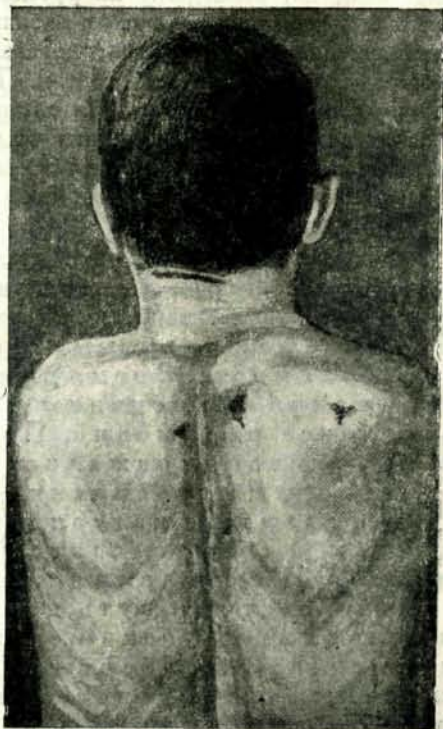
Наконец рассказ свидетеля, частично присутствовавшего при втором преступлении, совершенном почти непосредственно вслед за убийством Либкнехта, позволяет восстановить истину. Роза Люксембург была арестована полчаса спустя и также препровождена в гостиницу «Эдем». Согласно официальному сообщению, были приняты меры к очищению подступов к гостинице, для чего разъяренную толпу направили по ложному следу; но обмануть ее якобы не удалось; при выходе из гостиницы Роза подверглась якобы нападению и ударам и в бессознательном состоянии была увезена в военном автомобиле, остановленном патрулем при выезде из Берлина. Этой остановкой якобы воспользовались неизвестные, ворвались в автомобиль, схватили тело Розы и исчезли с ним в ночной тьме.

Но вот свидетельское показание одного солдата, отправленное им в Центральный совет рабочих и солдат Берлина⁷. 15 января вечером он находился в гостинице «Эдем». Он видел, как Роза вышла⁸. Перед гостиницей не было ни одного штатского. Только 15—20 чел. военных, в большинстве офицеров, окруживших автомобиль. В тот момент, как Роза переступала порог, часовой при входе поднял винтовку и прикладом ударил Розу, отчего она упала навзничь. Часовой нанес второй удар и собирался нанести третий, но бесчувственное тело уже подняли и уложили в отъезжавший автомобиль. В этот момент какой-то солдат вскочил сзади на автомобиль и, нагнувшись над потерявшей сознание Розой, ударил ее несколько раз, как думает свидетель, рукояткой револьвера. Когда автомобиль отъехал метров на сто, раздался выстрел...

Когда 16 января Шейдеман, очень удачно оказавшийся в Касселе, узнал о смерти своих политических врагов, то выразил очень сдержанное сожаление, единственно ради формы; в страстной речи он обрушивается на своих противников. Герои-победители Шекспира великодушны к своим умершим соперникам. Ауфидий, убив Кориолана, преклоняется перед ним и воздает ему посмертные почести. Но Шейдеман — не герой Шекспира. «Эту борьбу, — говорит он, — называют братоубийственной войной. Нет. Преступники и бандиты не могут быть моими братьями». Допуская личную неподкупность Либкнехта и Розы, в которых он видит только опасных фанатиков, он однако старательно подчеркивает тяготящее над спартаковцами обычное обвинение в подкупе большевиками. И подобно новому Цицерону, он объявляет, что спас родину. «Разгром спартаковцев есть акт общественной самозащиты, который мы должны были совершить ради нашего народа и перед лицом истории». Что касается буржуазной прессы, то она вне себя от радости. «Deutsche Zeitung» находит, что нет наказания, равного преступлению Либкнехта и Розы Люксембург. По мнению «Deutsche Tageszeitung» Либкнехту еще повезло: счастливая судьба избавила его от законного возмездия;

это — суд божий; его смерть описывают как смерть старающегося спастись бегством труса. «Kreuzzeitung» испытывает чувство облегчения. «Tägliche Rundschau» говорит о подкупе большевиков. По словам «Lokal-Anzeiger» Либкнехт сам виноват в постигшей его судьбе: немецкий народ по существу своему мягкосердечен, но Либкнехт сам его спровоцировал. С некоторым достоинством держатся только газеты: «Vossische Zeitung», осуждающая обоих вождей спартаковцев, но не оправдывающая предания их суду Линча; «Vorwärts», порицающая обоих убитых, но в то же время клеймящая позором их убийц, и особенно «8-Uhr-Abendblatt». Эта буржуазная газета поместила благородную и трогательную статью — дань уважения памяти Либкнехта-адвоката от его старинного коллеги д-ра прав Иоганна Вертгауер. Он говорит о его неисчерпаемой доброте, о нем как защитнике бедных и несчастных, подтверждает это примером, свидетелем которого был сам, и чтит в лице Либкнехта «бескорыстного, неумолимого борца за истину, человека с чистым сердцем, открытым для самых несчастных». Такое редкое явление представляет собою справедливость в это жестокое и лицемерное время с вечным призывом к справедливости на устах, что необходимо оградить от забвения имя этого великодушного противника, единственного, имевшего мужество на следующий же день после убийства преклониться перед нравственной чистотой Либкнехта.

Но его выступление было единственным. Победители-братоубийцы беззастенчиво предаются радости. «Народ Гердера, Гельдерлина, Канта, Гумбольдта и Клейста, — говорит Герцог, — за пятьдесят лет преклонения перед успехами, под гнетом средневекового владычества дошел до такого падения, так потерял всякое чувство справедливости и человечности, что считает это убийство столь же справедливым, как и потопление Лузитании... К чему слова? Перед этим морем лжи опускаются руки... Безумное

ТРУП КАРЛА ЛИБКНЕХТА В БЕРЛИНСКОМ
МОРГЕ

На теле следы пуль в спину и колотые раны
на шее и голове

Музей Революции СССР, Москва

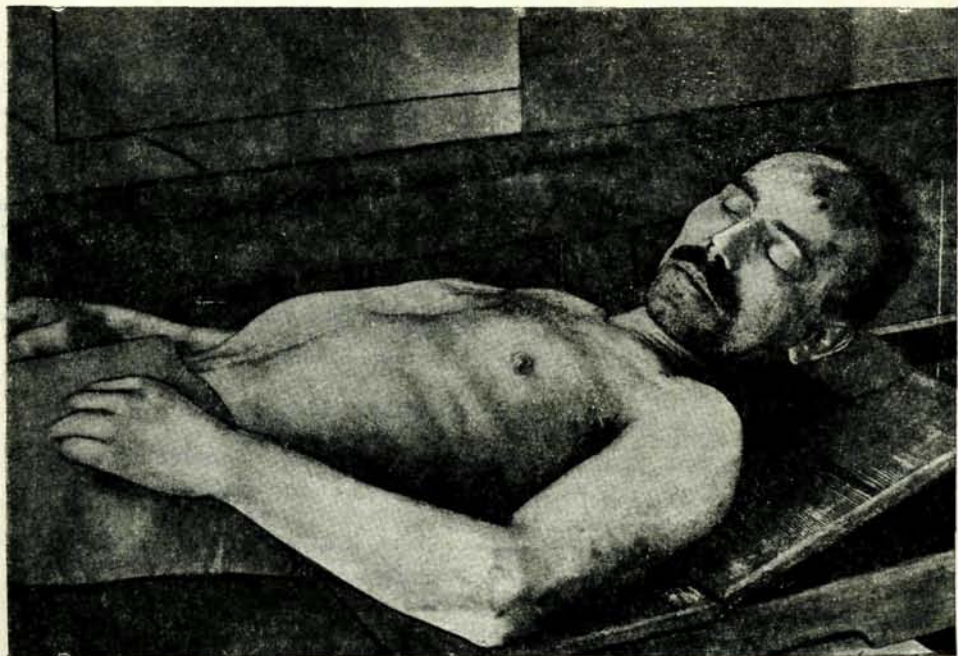
зрелище! Те самые люди, которые стремились возвысить народ, выданы черни как враги народа... Бессмысленно говорить сейчас о гуманности, когда угрозы, насилие, убийство представляют обычное явление, когда жизнь граждан в меньшей безопасности, чем при Вильгельме III...»

Так же сурово звучит отповедь Курта Эйснера: «Когда подумаешь, — пишет он 16 января вечером, — что такие люди, как Вильгельм II, кронпринц, Тирпиц, Людендорф (находящийся сейчас под самым Берлином, живут безнаказанно, то приходишь в ужас перед сумасшествием Берлина, где обезумевший пролетариат натравливается против тех, кто первый в Германии открыто восстал против войны, против тех, кто конечно не был свободен от недостатков, но кто из чистого идеализма пожертвовал собой во имя своих убеждений. И в то же время живы еще все виновники мировой войны. Это говорит о глубокой внутренней болезни Германии. Это пятнает ее честь».

В Гамбурге объявлена забастовка протеста; все закрыто, все в трауре. Трауром объят также и Дюссельдорф, где происходят скорбные манифестации. В самом Берлине рабочие крупных фабрик объявили забастовку.

В субботу 25 января было совершено погребение Либкнехта и его товарищей. Несмотря на суровые меры, принятые правительством, войска которого, подкрепленные артиллерией, заняли все площади и главные улицы, внушительное шествие двинулось к кладбищу Фридрихсфельда. Беднота стеклась из всех кварталов Берлина и образовала почетный караул вокруг тридцати трех гробов: оборванные молодые люди; истощенные и ужасные солдаты, выпущенные из русских тюрем; женщины и девушки в слезах и в трауре; делегации от рабочих, солдат, матросов всего государства; социалистическая молодежь; красные знамена; плакаты с одним только словом «Убийцы!» («Mörder!»). Тридцать три спартаковца и их вождь опущены в общую могилу. Ни одного возгласа. Но буря в глубине сердец. И в скольких сердцах должны были в этот момент звучать последние слова вождя, последняя статья Либкнехта для «Rote Fahne», написанная им накануне смерти, этот клич «Несмотря ни на что!» умирающего Спартака!

«Спартак разбит! Да, они были разбиты, эти рабочие революционеры. Да, сотни их лучших товарищей были убиты, сотни наиболее стойких брошены в тюрьму... Да, они были разбиты. Этого требовала историческая необходимость. Время еще не пришло... Но некоторые поражения равноценны победам, и некоторые победы гибельнее поражений. Победенные борцы кровавой недели января сражались за великие идеалы, за самые благородные стремления страдающего человечества, за моральное и материальное искупление; они пролили свою кровь за святое дело, и кровь их стала священной. Из каждой капли этой крови возникнут мстители... Крестный путь немецкого рабочего класса еще не пройден. Но день искупления близок. День всемирного суда для Эберта, Шейдемана, Носке и могущественных капиталистов, прячущихся еще за их спинами... Если мы, мы сами, и не доживем до дня осуществле-

ТРУП КАРЛА ЛИБКНЕХТА В БЕРЛИНСКОМ МОРГЕ
На теле следы ранения в правое предплечье и в грудь
Музей Революции СССР, Москва

ния наших стремлений, то наша программа доживет. Она будет властвовать над всем искупленным человечеством. Несмотря ни на что!»

Еще не раз это «Несмотря ни на что!» раздастся как призыв к единению в социальных битвах будущего. Никаким кровавым репрессиям не подавить его никогда. Но впервые в этой борьбе социалисты оказались на стороне власти против пролетариата. Это создает очень серьезное положение, которое, подчеркивая одиночество пролетариата, рискует придать его борьбе характер безнадежной жестокости, от которой пострадает весь мир. Неужели эти враждующие братья не поймут этого? Неужели личные страсти не смолкнут перед лицом общих интересов? Из моего рассказа о «Красном январе» Берлина ясно, что рабочие во всяком случае видят яснее своих вождей и стремятся к единению всех трудящихся. Уже давно известно, что здравого смысла больше у трудящегося народа, чем у вышедшей из его недр и стремящейся отречься от него буржуазии. Эти пять лет войны полностью выявили превосходство здравомыслящего и гуманного народа над его отравленными гордостью и вопросами идеологии вождями.

Ромен Роллан

1—3 февр. 1919 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Большинство этих имен принадлежит известным членам союза «Neues Vaterland» («Новая родина»).

² «Die Reubublik» от 11 января.

³ Занятого революционерами.

⁴ «Die Reubublik» от 12 января.

⁵ Действительно, некоторые призванные в Берлин против спартаковцев части действовали повидимому в качестве временных союзников правительства, сохраняя одно-

временно свою независимость. В интервью от 19 января, данном Носке представителям иностранной социалистической прессы, голландец Анкерсмит, корреспондент амстердамской газеты «Het Volk», возмущается расклеенной на улицах Берлина прокламацией, написанной непосредственно от имени кавалерийской гвардейской дивизии, точно эта дивизия не была подчинена правительству.

⁶ «Die Reubublik» от 19 января. Протест помечен 18 января.

⁷ «Die Reubublik» от 18 января.

⁸ Следует отметить, что в этот момент, едва ли четверть часа спустя после отъезда Либкнехта, в гостинице «Эдем» уже было известно, что он убит. Это обстоятельство делает еще омерзительней ложь военного командования, выставившего подобранный на шоссе труп как «труп неизвестного».

Перевод статьи — Т. Липкиной. Все примечания принадлежат Ромен Роллану — *ред.*